

мер, использование физической силы для завоевания места в пространстве или культивирование своего тела, внешних данных (что также оказывается важно для поддержания статуса).

В целом различие социального и культурного процессов позволяет раскрыть сложность и опосредованные связи социокультурных форм и символического содержания. В большинстве случаев, преодоление барьеров и границ, устанавливаемых в рамках одного процесса (например, культурного), возможно и практически осуществляется ресурсами другого (в данном случае, социального). Такое действие («по кругу») оказывается действительно эффективным. Именно поэтому мы наблюдаем, что изменение организационных связей осуществляется через обращение к культурным факторам (включая не только выработку корпоративных ценностей, но и перестановку мебели), а лучшим способом преодоления межкультурных барьеров в межличностном общении является развитие именно личных, дружеских и семейных, отношений.

Социокультурная реальность в такой схеме категорий (при понимании ее схематичности и условности) оказывается все-таки более объемной. Становятся видны источники ее текучести и переходов, способы структурирования тех «слоев», «поверхностей» и стилей, между которыми распределяют свою активность субъекты в современном обществе, возможно не отдавая себе отчета, но своей деятельностью фиксируя, обозначая описанные нами дифференциации.

**Ю.М. Резник (Москва, ИФ РАН, РИК)
ПОСЛЕСЛОВИЕ К ДИСКУССИИ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)**

Проблемное поле состоявшейся дискуссии чрезвычайно широко. И все же я попытаюсь ответить на некоторые из вопросов, которые вынесены на обсуждение, и изложить собственную версию понимания социальной реальности. По ходу изложения своих взглядов я буду высказывать некоторые спорные, требующие дальнейшего обоснования мысли, которые можно условно назвать «апологиями социального», как утверждающие позитивный смысл социального, так и отрицающие его содержательную специфику, отличную, например, от культуры.

В первую очередь хочу солидаризироваться с В.Л. Абушенко в том, что по ряду причин в отечественной науке удовлетворительной и общепризнанной трактовки социального не сложилось. А это означает, что в головах обществоведов царит полная неопределенность и даже сумятица. Выделяемые конвенциональным путем признаки социального (взаимодействие, совместность и пр.) не могут считаться удовлетворительными с точки зрения полноты и достаточности критериев. Не обоснованы

также конкретизации категории «социальное», в т.ч. «социальность», «социальная реальность» и т.п.

Нет полной ясности и в том, как соотносятся между собой понятия социальности и культуры, природы и общества. Хотя, как утверждает В.Л. Абушенко, «социальное всегда культурно оформлено и связано с совмещением в совместности разных форм воспроизводства опыта». То, что это так, требует дальнейших доказательств, а пока нам предлагается гипотетическое допущение на уровне «так может быть, а может быть и иначе».

Как гипотетическое я принимаю и утверждение автора о том, что социальное конституируется на основе или в ходе освоения исторически сложившегося опыта конкретного общества и следования разным стратегиям «ведения жизни», принятым на вооружение в этих обществах.

Но как бы мне не хотелось не согласиться с В.Л. Абушенко, я не могу не признать, что в своем выступлении он затрагивает общезначимые проблемы, которые остаются нерешенным, а понимание социокультурного оказывается недостаточным. И мы по-прежнему имеем дело с фоновым знанием, где социальное принимается в качестве самоочевидной, не требующей дополнительной экспликации категории.

Основные контуры концепции социальной реальности, которые оформились лишь в последние годы моей научной работы, можно сформулировать следующим образом.

1. Очевидный факт: социальное следует рассматривать как многоуровневую действительность, существующую во множестве форм и проявлений, в т.ч. идеального и реального, естественного (спонтанного) и искусственного (рационально организованного), объективного и субъективного и т.д.¹ Категория «социальное» конкретизируется далее в системе таких понятий, как «социальность», «социальная действительность», «социальная реальность», «социальный мир», «социальное бытие», «социальное пространство», «социальная сфера», «социальная структура», «социальная система», «социальные институты» и др., содержательная характеристика которых приводится в работах авторов, включенных в данный выпуск.

2. Не совсем очевидный факт: сущность социального и его природу как исходной проблемы социальной теории следует искать не в определении трансцендентного начала, о чем пишет профессор П.К. Гречко, а в выявлении его качественной определенности и, прежде всего, имманентно присущих ему смыслов. Я согласен с тем, что «творческая имманент-

¹ Обоснованию этих и других измерений бытия социального посвящена первая часть моей книги «Введение в социальную теорию. Социальная онтология» (М., 1999).

ность мира социального много продуктивнее его трансцендентной (трансцендентальной) идеальности».

При определении сущностной специфики социального мы неизбежно сталкиваемся с разными подходами, сложившимися за последние годы в отечественной и западной литературе:

1) *транспарентный*: социальное есть «сквозная», транспарентная (от англ. и фр. transparent – прозрачный, сквозной, просвечивающий насквозь) реальность, пронизывающая собой все стороны и процессы человеческой жизни (подчеркиваю вслед за П.К. Гречко: именно человеческой, а не животной, биологической и тому подобное); и здесь не столь важно то, что мы выделяем в качестве субстанциальной основы социального – взаимодействие, совместность, общие смыслы и ценности или что-либо еще; социальное в этом смысле есть «бесформенная форма» или «неструктурируемая структура», которая сама остается невидимой, но подобно лучу прожектора освещает отдельные факты бытия людей;

2) *«рамочный»*: социальное есть определенная «рамка», фрейм (от англ. frame – каркас, остов, рамка, структура, система координат), фиксирующая, с одной стороны, пределы нашего познания обозначаемой данным понятием сферы действительности (когнитивный аспект), а, с другой, структурную организацию мира социального, на который налагается акторами бесконечное число рамок – нормативных, нравственных, политических и т.д. (в последнем случае любая ситуация в социальном взаимодействии людей имеет одну или несколько рамок, а социальное в целом представляет собой некую общую рамку всех существующих, мыслимых и немислимых рамок); В.Л. Абушенко роль «рамки» приписывает культуре, а не социальности; в его понимании именно культура, а не социальность задает рамки возможного, санкционирует в пределе социальное, манифестирует его идеальное содержание (а как быть тогда с материальным?), обеспечивает инвариантность за счет культурного образца (возможно у автора имеются для основания для подобных выводов);

3) *«сферный»*: социальное определяется как особая сфера (от греч. sphaira – шар, англ. sphere – сфера, шар, планета) жизнедеятельности человека и общества, содержание которой (в зависимости от вкусовых предпочтений и статусной принадлежности авторов) наполняется разными структурами, институтами и организациями, связанными так или иначе с воспроизводством человека как субъекта и представителя общностей – классов, страт, этносов, групп и пр.). Рассматривать социальное как сферу общества в указанном выше смысле не совсем корректно: символически шар охватывает целое, а не одну из его частей, на чем настаивают сторонники «сферного» подхода к изучению природы социального;

4) «сетевой»: социальное характеризуется как общая сеть (с англ. net – сеть, невод, тенета, трал) связей и отношений между индивидами, включенными уже в другие, частные сети отношений (в буквальном смысле сеть – приспособление, предназначенное для ловли живых существ и состоящее из перекрещивающихся нитей, закрепленных на равных промежутках узлами; совокупность расположенных, рассеянных на какой-нибудь территории и связанных одной системой учреждений, предприятий и лиц); следовательно, сеть обозначает как общее пространство, так и то, что, по словам поэта, лишает свободы, сковывает волю; приведу еще одно высказывание, на которое ссылается В.Л. Абушенко: «Человек – это социальное существо, попавшее в сеть, которую он сам соткал, и сетью этой является культура» (К. Гирц);

5) «матричный»: социальное конструируется как информационно-энергетическая матрица (от англ. matrix – матка, матрикс; stencil – трафарет, шаблон, образец), которая определяет характер и направленность поведения субъектов в рамках определенной системы координат;

6) «коммуникативный» (от англ. communication – информация, сообщение): социальное понимается как пространство обмена смыслами и значениями между индивидами посредством общей системы символов и знаков;

7) «праксиологический»: социальное производно от множества практик человека (греч. *praktike*, от *praktikos* – деятельный, активный; англ. *practice* – практика, выполнение), это то, что порождается их совместными планами и действиями; лучше всего о практике сказано в словаре Ушакова: «деятельность человеческого общества по устроению своей жизни, усилия, прилагаемые им к разрешению выдвигаемых жизнью задач»; практик много и социальность представляет собой мозаику, состоящую из разных практик, в т.ч. производственных и коммуникативных, экономических и политических практик.

Каждый из предложенных подходов имеет свои основания. Но, с моей точки зрения, они недостаточны для понимания социального как целостного образования, которое можно представить средствами философии и науки.

Итак, принимая во внимание все имеющиеся подходы к определению социального, я буду придерживаться последнего из них, практически-ориентированного или праксиологического. В этой связи сформулирую собственное определение социального: *это исторически обусловленный способ совместного бытия людей, порождаемый и воспроизводимый каждый раз заново их многочисленными и разнообразными практиками*. По сути дела социальное образуется как ансамбль практик взаимодействия индивидов и их групп в едином для них информационном и культурном пространстве.

3. Не совсем очевидный факт: социальное образуется на пересечении нескольких векторов, создающих линии напряжения, своего рода «прорывы» в социальность:

- социальное и историческое;
- социальное и природное;
- социальное и культурное;
- социальное и духовное.

Во-первых, социальное исторически детерминировано, оно всегда выступает как конкретно-историческая социальность. Однако история есть процесс существования и эволюции всех реальных форм социальности. Она не фиксирует в событийном ряду реально несуществующие, виртуальные, вымышленные миры социального, если они не попали в культуру и культуры и не оставили в них своих следов.

Апологии социального: все, что не попало в культуру, не есть факт истории, а, следовательно, пребывает в невидимой (латентной) стороне социальности, т.е. за пределами культуры.

Именно история определяет вектор развития социального от прошлого к будущему через актуализацию настоящего. Поэтому не случайно сегодня мы часто слышим точку зрения, что история — это наука не о прошлом, а о настоящем, рассматриваемом с точки зрения прошлого и будущего.

В этой связи можно переформулировать проблему социального: из вопроса «что есть социальное?», фиксирующего ориентацию на поиск его субстанциальной основы, она трансформируется в другой вопрос: «как возможно социальное?». А оно возможно лишь в определенных исторических условиях, т.е. как историческая данность (по словам П.К. Гречко — «целое исторического бытия») в отличие от внеисторической (повседневной, обыденной и т.п.) социальности, о которой истории как науке известно слишком мало.

Отделить социальность животных от человеческой социальности практически невозможно. У нас много общего, хотя имеются и различия. Только история дает нам ключ к пониманию социальности человека. И здесь я согласен с профессором В.М. Межуевым, который говорит: человек живет в истории; животное не является субъектом истории (хотя мы об этом пока ничего не знаем).

Во-вторых, социальное природно детерминировано. Сколько бы мы не воображали себя демиургами и творцами социальности, никуда не деться от своего материнского лона — природы.

Апологии социального: социальное существует как такая часть природы, которая в стремлении к самодостаточности (и самодетеминированности), оборвала пуповину и окончательно потеряла свою связь с целым.

Однако природные явления самым непреложным образом напоминают о себе человеческим сообществам, оторвавшимся от своих корней. За все приходится платить. «Конец света» человечество успешно приближает своими собственными руками. Но и призывы «жить в согласии и гармонии с природой» не всегда подкреплены действиями.

Итак, социальное в отличие от культуры не есть надприродная (в т.ч. надбиологическая) реальность. Оно возникло в недрах природы и ей обязано своим существованием. И тогда человеческие общества суть социоприродная реальность, где приставка «социо» лишь указывает на видородовую специфику данного феномена.

В-третьих, социальное культурно детерминировано. Вопрос о соотношении культуры и социальности дискутируется на протяжении десятков лет. Однако ясности и определенности в нем стало не больше, чем было 15-20 лет назад. И здесь дело не в том, что шире: социальное включает в себя культурное или наоборот. Вопрос лежит в другой плоскости: без культурного трудно себе представить человеческую социальность. Именно культура, по словам П.К. Гречко, является «душой» социального, его мотивационной и ценностно-смысловой основой. Она придает смысл каждому социальному действию индивида и определяет содержание социального взаимодействия между людьми.

Вместе с тем культура служит основанием для демаркации мира животных и мира людей как общественных животных. Вот только я не согласен с утверждением П.К. Гречко о том, что «культура имеет дело с развитием, а не выживанием, характерным больше для животных». С моей точки зрения, здесь имеются другие основания для сопоставления. Приспособление (адаптация) выступает одним из важнейших механизмов культуры и социализации. Культура органична, т.е. обладает природой организма, равно как и биологический организм. Но в отличие от последнего она располагает другими возможностями и механизмами, в т.ч. неосвоенной пока культурой парадигмой становления.

Культура «встроена» в социальное, в деятельность людей не только посредством символов, смыслов, ценностей и тому подобное. По моему мнению, она образуется как «надстройка» над социальностью и выступает в виде метасистемы деятельности людей. Социальное же является базисом, состоящим из различных миров и формирующих их практик.

Именно в таком контексте имеет смысл говорить о социокультурной реальности как реальности интегрированной из двух начал – социального и культурного. Причем определяющим началом выступает надстройка (культура), а не базис (социальность). Но детерминация социальности со стороны культуры не является единственной и определяющей,

иначе, если мы признаем это, легко скатиться в пропасть культуроцентризма. А в нем социальное выступает как чистая рамка (матрица), наполняемая культурными смыслами. Однако не все в социальности задается культурой и здесь я позволю себе не согласиться с А.А. Пелипенко. Есть и другие привходящие факторы, кроме культуры.

Культура социальна и зависит от коллективных усилий акторов. Здесь я вынужден признать вполне очевидное утверждение В.Л. Абушенко, который выстраивает четкую логику разворачивания понятия «культура» в контексте его соотношения с понятием «социальное».

При таком соотношении справедливо предположить наличие формы и содержания как у социальности, так и у культуры, как это пытаются обосновать Н.К. Иконникова. Социальное не есть только форма совместной деятельности и взаимодействия людей, как утверждает Э.А. Орлова, а культуру нельзя сводить только к содержанию этой деятельности. У нее имеются свои формы – культурные, а у социальное – содержание.

Вот только между социальными и культурными формами надо провести более четкую линию демаркации. А то получается, что культурное содержание (идеи, ценности, знания, верования и пр.) пересекается с социальным содержанием (нормы, паттерны и габитусы; сюда же можно отнести социальные роли, статусы и позиции, которые предшествуют институтам и организационно закрепляются в них). Где граница между ними, и что считать социальным, а что культурным? Почему нормы относятся к социальному, а ценности к культурному? Тут мнения исследователей могут разойтись, а выдвигаемое Н.К. Иконниковой положение не получить должной поддержки.

Но вот позитивный смысл подобного разграничения я вижу в другом: между социальным и культурным происходит непрерывный энергоинформационный обмен, а также обмен материальными и символическими ресурсами (типами капиталов, по Бурдье), что позволяет снимать «барьеры» между ними и «делает» деятельность более эффективной.

Не совсем согласен я и с представлением о том, что культура есть «царство свободы» в отличие от природы как «царства необходимости». В культуре имеются и свои пределы и ограничения развития. Она в большей степени, чем другие явления, напоминает рамку (рамочную конструкцию), которая не только предоставляет объем свободы, но и налагает на субъектов разного рода нормативные ограничения, в т.ч. санкции, ограничивающие пространство их свободы и побуждающие их действовать в соответствии с нормативными и ролевыми ожиданиями. Поэтому нельзя выпрыгнуть из штанов, не рискуя потерять свое достоинство в глазах окружающих.

Апологии социального: далеко не все в социальном можно считать культурным или культурно обусловленным. Если социальное есть часть природной реальности, то культурное — надбиологическая реальность, порождаемая искусственно людьми, имеющими свои цели, отличные от прямого следования законам природы. Следовательно, социальное имеет, как минимум, две ипостаси своего существования: биосоциальную и культур-социальную.

В-четвертых, социальное определяется и наполняется духовным — идеями, смыслами, ценностями, имеющими общечеловеческий характер. Не культура генерирует человеческое в человеке, как утверждает П.К. Гречко, а духовное как пространство запредельных социальности смыслов человеческого бытия. Социальностью не исчерпывается человеческая жизнь. Она гораздо богаче и разнообразнее. Точно также ее нельзя поместить в прокрустово ложе культуры. Культура подобно Прокрусту вытягивает или удлинняет образы людей, пытаясь уложить их в ложе господствующих или конвенционально принятых норм и ценностей.

Человек, по А. Шопенгауэру, есть метафизическое существо, осознающее факт конечности своего существования.

Экзистенциальный выбор (быть или не быть, жить или умереть, свобода как смысл человеческого бытия и т.д.) является актом духовного становления человека в качестве человека. Возможно, человек духовнее, чем обезьяна, но вряд ли он социальнее ее. Мы можем найти массу примеров того, что социальный порядок в стаде обезьян гораздо более устойчив.

Апологии социального: у человека всегда есть возможность свободного выбора в жизни. И этот выбор обеспечивает ему не социальное как совокупная сеть отношений, образуемая практиками, и не культурное как ценностно-нормативная рамка (матрица), наполняемая человеческими смыслами, а духовность как выражение родовых интересов всего человечества.

В светском понимании духовность чаще всего трактуют как высший уровень развития и саморегуляции зрелой личности, на котором основными мотивационно-смысловыми регуляторами ее жизнедеятельности становятся высшие человеческие ценности. В религиозной традиции духовностью обладают лишь истинно верующие люди. Духовность здесь тесно связана с опытом постижения сакрального.

Полагаю, что ни то, ни другое понимание духовности не соответствует ее сути. Духовность связана с поиском и личностным переживанием универсальных форм и правил бытия. Это стремление привнести в мир, в т.ч. социальный, силу духа, преодолеть его пространственные и временные границы, выйти за пределы обыденного и культурно узаконенного поведения. В этом смысле духовным является любой человек, кото-

рый ставит на первый план «высшие» идеи, идеалы и символы, подчиняя им свои социальные действия и преодолевая культурные «барьеры» и «перегородки». Поэтому далеко не всякая культура духовна. Духовное противостоит материальному, чувственному и осязаемому, устанавливая свои пределы.

Человек – существо духовное, прежде всего. И в этом заключается его родовая сущность, отличная от социальной и культурной сущностей.

В этой связи заявление профессора В.И. Разумова о том, что социум как объект познания является более сложным, чем человек, который инкорпорирован в него как одна из ветвей эволюционного ряда наряду с коллективами и экосферами, вызывает у меня недоумение. Конечно, все зависит от точки отсчета: можно и кошку считать более сложным существом, чем человек, и в этом будет своя доля истины. Но чтобы человек, обладающей всей мощью интеллекта и силой духа, оказался не в состоянии постичь глубины и сложности порожденного им же самим социума, это уже явное преувеличение.

Проблема духовности, намеренно игнорируемая В.И. Разумовым в данном контексте, заставляет нас вновь и вновь поставить вопрос: человек для общества или общество для человека. С точки зрения П.К. Гречко общество призвано создавать бытийно комфортные формы бытия для человека. Для В.И. Разумова, напротив, человек должен подниматься на высоту интересов общества и всего человечества. Он предлагает актуализировать социоцентризм как исследовательскую ориентацию и культурную доминанту. Но как мне представляется, ее не нужно утверждать, она и так господствует, по крайней мере, в умах многих социальных ученых и чиновников. Проблема в том, чтобы предоставить человека самому себе, сделать его жизнь в обществе максимально удобной и осмысленной.

Приведу еще одну апологию социального.

Апологии социального: социальное – это тело человеческой реальности, культура – ее душа, а духовность – воплощение духа. В единстве всех этих сторон только и возможна полнота человеческого бытия.

4. Вопрос о сущности социального неразрывно связан с выявлением его качественной специфики. А качество социальной реальности определяется в первую очередь культурными и духовными факторами. Смысл жизни является исходным при определении духовных ориентиров социального. Это – значимое (для субъекта) символическое содержание или предназначение, выражающее и общую интенциональность (направленность) жизни в обществе.

Чаще всего люди не задумываются о смыслах деятельности своих непосредственных руководителей, политических и государственных деяте-

лей страны, в которой они живут. Они не привыкли просчитывать интересы тех или субъектов и сил, стоящих за совершенными событиями. Поэтому линии энергетического напряжения социального² определяются крайними полюсами духовности – нравственными императивами, отображающими осмысленность или бессмысленность человеческой жизни:

- польза – благо;
- хорошее – плохое;
- счастье – несчастье (горе).

А теперь по порядку. Во-первых, я убежден, что главная линия духовного напряжения в обществе сегодня проходит между пользой и благом. Я специально подобрал слова, имеющие общий корень «польза» (польза, полезный, бесполезный). Их оказалось значительно меньше, чем слов с корнем «благо».

Польза – это положительное значение определенных вещей и явлений для какого-либо субъекта. Но вот в чем сложность: полезностью обладают лишь те вещи, который имеют значение для данного субъекта. Для другого они могут быть совершенно бесполезными. Поэтому польза имеет субъективное значение (даже в случае общественной пользы): для каждого субъекта она своя. Полезность вещи или явления означает ее способность удовлетворять запросы или потребности человека.

Хочу предположить, что западные общества (которые мы знаем благодаря их авторам лучше собственного) пронизаны ценностью пользы. Там практически любой поступок человека соизмеряется с объемом пользы, которую он или другие люди могут получить или получают. Не зря в западной философии возникли такие направления мысли, как: *утилитаризм* (от лат. *utilitas* – польза), теория, пропагандирующая жизнь ради собственной пользы и выгоды, *прагматизм* (греч. *pragma* – дело, действие), философское учение, рассматривающее действие и целесообразную деятельность в качестве определяющего свойства человеческой сущности, и *альтруизм* (франц. *altruisme*, от лат. *alter* – другой), как нравственный принцип поведения, означающий способность человека бескорыстно жертвовать собственными интересами в пользу другого (или других).

² По словам Н.К. Иконниковой, «идея «напряжения» как свойства социокультурной реальности разрабатывалась во многих работах по истории обществ и культур, фиксировавших в разных категориях (отражающих, отчасти, предпочтение видеть влияние того или другого «полюса») – от духовной (религиозной, экзистенциальной) напряженности до пассионарности, когда эту напряженность рассматривают как особое свойство социокультурной среды, обеспечивающее (благодаря напряжению) устойчивость и позитивную динамику сообщества».

Польза как положительное воздействие на кого-либо, хороший результат для субъекта обладает мощным синергетическим потенциалом. Под лозунгами «жизнь ради общей пользы» совершались многие революции, политические события, праведные и неправедные дела в мире.

Совершенно иначе обстоит дело с благом. Благо – то, что содержит в себе положительный смысл, служит добру и счастью человека и других людей. Данный термин выражает стремление духа к высшим проявлениям, к которым должны стремиться все разумные существа.

Это слово имеет великое множество оттенков и производных от него слов. Приведу только некоторые из них (всего по словарю Ушакова 110 слов в русском языке и еще по словарю Даля – примерно 50, производных от слова «благо»):

– *существительные*: благой; благовеличие; благоверие; благоверство; благовестие; благоволение; благовещение; благоволение; благовоение; благовоспитанность; благогласие; благоглупость; благоговение; *благодарность*; благодарение; благодать; благоденствие; благодетель; благоденствие; благодетельность; благоддеяние; благодушие; благожелательность; благозаконие; благозвучие; благоизбрание; благоизволение; благоискусный; благолепие; благолюбие; благомыслие; благонадежность; благонамеренность; благонравие; благообразие; благообращение; благоплодие; благоповинение; благоповедение; *благополучие*; благопоспешение; благоприветствие; благоприличие; благоприобретение; благопристойность; благоприязнь; благоприятствование; благоразумие; благорасположение; благорассудительность; благорастворение; благорассмотрение; благоречие; благородие; *благородство*; благосердие; благосклонность; благославие; благоснисхождение; благословение; благосоветие; благосогласие; благосостояние; благостепенство; благостыня; благость; благодворение; благодворительность; благодтерпение; благоточивость; благоувещание; благоумие; благоусмотрение; благоусердие; благоуспевание; благоуспешность; *благоустройство*; благоустройство; благоутробие; благоучреждение; благоухание; благочестие; благочиние; благоуродивый, благоязычие.

– *прилагательные*: благоверный; благовидный; благовременный; благознаменательный; благознаменитый; благоизбранный; благомилостивый; благомощный; благомыслящий; благонадежный; благонравный; благоплодный; благоподатный; благоревностный; благопокорный; благоподражательный; благопристойный; благоприятный; благосмиранный; благосоюзный; благоспасительный; благодтишный; благодотчивый; благоуветливый; благоугодный; благоумиланный.

– *глаголы*: благоволить; благородить; благоузаконить.

Кстати, во множественном числе существует термин «блага» (средства удовлетворения человеческих потребностей), близкий по смыслу к слову «польза».

Зачем мне понадобилось перечислять большинство из слов, содержащих корень «благо»? Затем, чтобы показать, что в русском языке выработана особая лексика благоустройства мира. Смею предположить, что благодеяние и благотворение — характерные черты русского и, возможно, славянского менталитета. Не случайно это слово получило такое распространение в русской духовной традиции. Ничего подобного я не встречал в западной культуре. Она просто другая.

Столь обширная лексика с корневым словом «благо» в русском языке имеет социально-историческое значение. Многие исторические события были инициированы властью или церковью во имя блага людей. Другое дело, во что, в конечном счете, трансформировались эти попытки социального благоустройства жизни.

Термины «польза» и «благо» имеют референты на поведенческом уровне. «Общество пользы» (потребительское общество или общество благополучия) имеет своим источником рецептивную (потребительскую) активность людей. Это общество, в котором доминируют ориентации на получение жизненных благ, а не их созидание. Близко к нему стоит «общество всеобщего благоденствия». Его по существу утопическая цель — достижение благополучия всех (или большинства) живущих в нем людей.

Совсем иначе происходит в «обществе благотворения», в котором преобладают благотворные и благотворительные ориентации. Творить благо — это не одно и то же, что его получать или передавать в обмен.

Этим типам общества соответствуют две модели социальных практик — социальное участие, характерное для общества всеобщего благополучия и благоденствия, и служение, свойственное обществу благотворения. Об этом я уже упоминал выше в одной из своих статей.

Во-вторых, общество, в котором живет человек, он может воспринимать как хорошее или плохое. В последние годы внимание среди ученых к подобным проблемам возросло. Недавно в Институте философии РАН вышла монография В.Г. Федотовой «Хорошее общество», появились другие работы, посвященные теме социального благополучия людей. Хорошее общество для западного человека предполагает высокий уровень жизни, гарантии личной свободы и демократию; для российского человека — это скорее общество высокой нравственности и уважительного отношения к человеку и, прежде всего, со стороны властей, а уже затем другие признаки — благополучие, достаток, стабильность и пр.

В-третьих, человек может быть счастливым или несчастливым в данном обществе. Да, да именно в обществе, а не в семье или личной жизни. Счастье, как благополучие — многомерный феномен. Оно встречается и в социальной жизни. Жить в обществе и быть не только свободным, но и счастливым в нем — это серьезная социальная проблема. Но что значит быть социально счастливым? — вопрос, ответ на который не лежит на поверхности. Чаще всего ответ на него переводят в плоскость материального и психического благополучия, что не одно и то же, как вы понимаете. А ведь критерий благополучия общества состоит еще и в том, сколько в нем живет счастливых людей. Не думаю, что кого-то из представителей высшего руководства нашей страны или стран-соседей ставит вопрос о счастье и процветании людей (а не народа, нации) как приоритетный для себя. Большинство «власть имущих» настроены вполне прагматично и утилитаристки, предпочитая руководствоваться собственными интересами и личной выгодой.

Таким образом, можно предположить, что конечной целью «благотворного» и «хорошего» общества является создание условий для счастливой жизни людей их же собственными усилиями. Никто их сверху счастливыми не сделает. «Вот уж воистину: спасение утопающего — дело рук самого утопающего».

Но счастье, как и жар-птица, быстротечно и мимолетно. Его нельзя зафиксировать в виде константы, необходимой дозы счастья, которая будет поступать регулярно из общественного котла. Оно зависит от устремлений и запросов человека, реализованности одного из его личностных и жизненных смыслов. Это состояние «когда», а не «почему» и «сколько», состояние, которое достигается человеком в ходе свободного (и осознанного) выбора и позитивного осуществления одного, как правило, наиболее желательного из вариантов жизненного пути.

Невозможно сделать всех людей в обществе счастливыми. Каждый понимает счастье по-своему. Все попытки достичь всеобщего счастья и процветания заканчивались в истории человечества трагично. Но можно установить высокую степень дифференцированности способов удовлетворения потребностей и интересов людей, а также добиться максимального плюрализма форм социальной жизни.

Имеются и другие примеры измерения благополучия общества: например, индекс человеческого развития, фиксирующий показатели среднедушевого дохода, уровень образования, рождаемости и смертности. Можно предложить вслед за Н.Б. Отрешко еще одну ось напряжения социального — господство (власть) — подчинение (зависимость). Ведь современное индустриальное общество расколото на два лагеря — управля-

ющих и управляемых. Причем управляющих становится с каждым годом все больше и больше. А их некомпетентность и ориентация на личную выгоду создают угрозу благополучию каждого члена общества.

Таким образом, качество, качественную определенность социального можно определять также критериями духовного развития и становления человека — ориентациями на пользу или благо, хорошее или плохое состояние общества и т.п.

5. Социальное существует в определенных пространственных границах, что определяет дифференциацию пространства жизни человека: выделяются социальное и индивидуальное (персональное) пространства.

Так, например, *персональное пространство* — это та часть жизненного пространства, которая подобно «воздушному пузырю» окружает тело человека (проводя мысленную черту вокруг него) и с которой последний идентифицирует свое непосредственное присутствие и личную неприкосновенность.

Социальное пространство человека определяется его местом (позицией) в системе социальных отношений, складывающихся зачастую во вне и помимо ее воли. Оно напоминает сеть или паутину, которые опутывают человека с ног до головы. В своем социальном бытии он несвободен.

Причем пространство социального обладает способностью структурировать жизнь человека. Оно характеризуется такими онтологическими свойствами, как присутствие (в т.ч. телесность), простираение и вмещение жизненного мира личности.

А. *Присутствие* — точка нахождения или место существования человека в данный момент времени. Оно связано непосредственно с его телесным существованием.

Кстати, проблема телесности сегодня плотно вошла в социологические и культурологические дискурсы. Личность человека обладает целостным единством физического, ментального и социального тел. Это — пространство ее существования, своеобразный топос ее жизни.

На этом основании я утверждаю, что человек взаимодействует с миром социального через свое социальное тело, которое образуется совокупностью его статусов, позиций и ролей. Тела человека вступают во взаимодействие с жизненным миром не изолированно друг от друга, а одновременно. Наше физическое тело подвержено природному воздействию и существует также, как и другие физические тела, — органические и неорганические, одухотворенные и неодухотворенные. Наше социальное тело находится в сфере действия социального пространства, общества и его институтов. Наше ментальное тело содержит не только ситуативно

возникающие мысли, переживания и размышления, но и «следы» воздействия других ментальных тел, с которыми я продолжаю взаимодействовать, даже находясь в полном одиночестве.

Б. Вмещение – характеристика объема присутствия человека в конкретном пространстве или точке нахождения. Такой объем определяется, прежде всего, наличием у субъекта соответствующих ресурсов, благодаря которым он может обустраивать свою жизнь, создавать и расширять искусственную среду обитания, увеличивая тем самым степень своего присутствия в социальном мире. Практически каждый человек (даже «бомж») стремится к расширению своей материально-вещественной и символической среды существования.

С этим связаны также ставшие расхожими выражения, бытующие в обывденной речи: «хорошего человека должно быть много»; «пива мало не бывает» и др.

В. Простирание – распределение объема присутствия человека в пространстве его жизни.

Простираться – это значит высвободить места, осуществлять новые перспективы человеческого присутствия в жизненном мире. С этим связано понятия территориальности и экстерриториальности.

Территориальность выражает стремление личности воспринимать некоторую часть окружающего пространства как свою собственную, т.е. принадлежащую только ей по праву наследования, формальной принадлежности к данной системе или путем приобретения в собственность. Экстерриториальность (от лат. ex – вне и territorialis, букв. – внеземельность) обозначает статус лица, не имеющего прав представителей коренного населения. Экстерриториальность на бытовом уровне имеет место для гостей, которые обязаны соблюдать правила хозяев.

б. Социальное – это множество миров, между которыми человек осуществляет каждодневный выбор посредством *социокультурных различий*. Мы конструируем социальную реальность нашей жизни посредством совокупности социокультурных различий, структурируя ее на множество миров. Причем выбор, повторяя сказанное мною в одной из статей данного выпуска, происходит с обеих сторон: мы выбираем и нас выбирают. Равнодействующая этого встречного выбора определяется в каждой ситуации конкретно: результаты социального «сканирования» зависят не только от нашего состояния и познавательного потенциала, но и от установок и ориентаций «невидимых сил» социального мира.

Для изучения социокультурных миров человека я предлагаю использовать подход, основанный на анализе *различий и их результатов - различий*;

Согласно данному подходу:

– люди руководствуются в своей жизни *правилами различения*, чтобы получить различия, необходимые им для успешного ориентирования в социокультурном пространстве;

– различения – это своего рода опознавательные механизмы, встроенные в систему ориентирования человека в пространстве;

– необходимость в различении возникает в проблемной ситуации субъекта;

– *различие* есть результат различения – процедуры осуществления выбора альтернатив в проблемной ситуации;

– процедуры различения используются социальными исследователями при построении картин (моделей) социального мира.

Социокультурные различия – различия, обусловленные отношением людей к данной культуре (их идентичностью) и возникающие в проблемных ситуациях как ситуациях «здесь и теперь». Эти различия носят дихотомический характер. Они выражаются чаще всего при помощи дуальных оппозиций. Например:

– самые *элементарные социокультурные различия* – «Я и другой», «свой и чужой» (или «наши и не наши»), «белые и черные», «правые и левые», или «справа – слева», «сверху – снизу» и т.д.;

– *цивилизационные различия*, например, «Запад и Восток», «Север и Юг», «Центр – периферия» и пр.;

– *социоструктурные и функциональные различия* – различия, определяемые познавательными и практическими интересами субъектов, осуществляющих выбор, с одной стороны, между социальными общностями и референтными группами, с которыми они себя идентифицируют, с другой, между видами социальной деятельности (профессией, образованием, досугом, домашним хозяйством и т.д.).

Следующую группу социокультурных различий образуют *метафизические различия*. Как правило, это – различия, производимые по способам познавательного и практического освоения социального мира, которые находятся за пределами повседневного жизненного опыта людей. Они производятся автоматически на основе интуитивного постижения некоторых социокультурных инвариантов, паттернов поведения и устоявшихся образцов культуры.

Перечислим их вкратце. Это:

– различия субъектов по парадигме социального бытия: становление или развитие (большинство из нас втянуты «гонку развития», не подозревая о существовании парадигмы становления);

– различия субъектов по моделям социального участия: «акторы» и «авторы»;

- различия субъектов познания по отношению к культуре: хранители-корректировщики и новаторы-демиурги;
- различие субъектов познания по отношению к публичным делам: обыватели и публичные люди;
- различия субъектов в системе координат социального познания «центр – периферия»: «провинциалы» и «принципалы»;
- различия субъектов познания по уровню профессиональной компетентности и жизненному опыту: «профессионалы» и «дилетанты».

Концепт «социокультурные различия» позволяет понять логику «входа» субъектов в разные социальные и культурные миры и «выхода» из них, когда это потребуется. Они играют роль опознавательных знаков, своего рода «меток», указывающих правильный путь. Благодаря им мы легко переходим из одного мира (пространства) в другой и можем почти безошибочно прокладывать себе дорогу в лабиринтах социального.

7. Социальное и его миры порождаются совокупностью практик человека в его повседневной жизни и в этом смысле оно конструируемо. Избранную им посредством социокультурных различий и практически освоенную часть социального пространства я называю жизненным миром. Примерно в таком же ключе рассуждает и мой оппонент по некоторым вопросам В.Л. Абушенко. Его следующее высказывание я вполне мог бы отнести к апологии социального.

Апологии социального: «ключ к пониманию современных реализуемых форм социальности следует искать в области анализа современных культурных практик». Да здравствует социокультурная современность, пронизанная социальностью и продуцируемая культурными практиками!

Социальные практики, производящие события как значимые социальные взаимодействия людей, можно рассматривать с точки зрения их видового разнообразия, а точнее – как способ производства культурных миров, «вход» в которые и «выход» из них мы получаем за счет процедур различий и их результатов – различий.

В процессе изучения социокультурных практик человека грань между их формальной стороной («миром дела») и неформальной стороной («миром повседневного общения») провести весьма сложно. Не только человек «делает дело», но и последнее «делает» его, формируя его убеждения, знания, установки и предпочтения. Мир дела (работы) человека определяет во многом его кругозор и практические возможности. Мир повседневного общения дает ему иные возможности самореализации, активизируя коммуникативный потенциал.

Мы воспринимаем мир повседневности как нечто текучее и фрагментарное, состоящее из массы повторяющихся, рутинных и будничных

дел, которые лишь с натяжкой можно отнести к практикам. На самом деле мы сталкиваемся с «остатками» или последствиями как своих собственных, так и чужих намерений, сложным переплетением осознанного и неосознанного, рационального и нерационального в нашем практическом опыте.

Повседневная практика есть проекция индивидуальных и коллективных стратегий на ткань нашей социальной жизни, причем стратегий, частично реализованных или заблокированных разными жизненными обстоятельствами. В мире повседневности мы всегда имеем отношение к тому, что еще не проявилось или не состоялось до конца, но уже ввергнуто в котел нашей практики, проходит апробацию в конкретных ситуациях социального взаимодействия.

В этом смысле повседневная практика есть *остаточная* (с точки зрения жизненных приоритетов и стратегий субъектов), *неполная* (с точки зрения форм или сфер приложения жизненного опыта), *частичная* (с точки зрения реализации результатов) деятельность субъекта, т.е. деятельность «де-факто», то, что стало, а могло и не стать. Стратегия повседневной жизни — это одна из множества реализованных возможностей субъекта, которые по тем или иным причинам остались внутри нее в виде следов, «остатков», затрудняющих восприятие реальности и засоряющих ее изнутри.

Далее. Повседневность как «смешанная», комбинированная практика, состоящая из типичных, частично рациональных действий и нерациональных по своей сути «остатков», дезориентирует субъекта, заставляет его раз за разом переосмысливать содержание исходных стратегий и определять следы присутствия в ней чужих стратегий.

В мире социального господствует порядок, которому присуща оседлость и постоянство форм. Для изменчивой, текучей части социального — повседневности — характерен кочевой образ жизни, сменяемость форм.

Социальные практики различаются между собой степенью обыденности и событийности. Обыденная практика есть профанация повседневности, извращение и искажение ее сути. Она удерживает субъекта в силовом поле банальности, заурядности и шаблонности. Это жизнь в силу привычки. Напротив, событийность наполняет повседневную практику новизной и разнообразием. Вместе с тем повседневной практикой нельзя управлять, не изменяя ее обыденных и событийных структур. У событий не бывает причин, они просто происходят. Обыденность же оперирует сиюминутными целями. Она причинно обусловлена. В повседневной практике для субъекта существует необходимость все время становиться тем, кем он является на самом деле, подтверждать свою идентичность, совершая процессы «сборки» и «разборки» своей личности.

Таким образом, социальность в целом как мир повседневных практик есть противоборство «оседлости» и «кочевничества», размеренности и суеты, планомерности и стихийности, событийности и обыденности (рутинности). Если побеждает оседлость, повседневность превращается в рутинную практику, обесмысливающую жизнь людей. Если верх берет практика кочевничества, то повседневная жизнь, страдает чрезмерной изменчивостью, и, в конечном счете, дезориентирует субъекта, выбивая его из привычной колеи.

Итак, мне удалось частично высказать собственную точку зрения на природу социального, но я не успел в полной мере отнестись к заявленным в статьях и дискуссии позициям других авторов. То, что же все-таки удалось, можно свести к следующим тезисам:

1) неразработанность категории «социальное» заставляет исследователей разной профессиональной принадлежности (философов, социологов, культурологов) обращаться вновь и вновь к ее экспликациям и анализу высказываний, содержащих имплицитные, завуалированные представления о природе социальной реальности;

2) при определении содержательной специфики социального необходимо отмежеваться от подходов других авторов, стремящихся всеми правдами и неправдами утвердить превосходство собственной позиции, и тем самым отсеять «формулировки-сорняки», в которых социальное рассматривается как транспарентная («сквозная») реальность, «рамочная конструкция», сфера общественной жизни, занятая воспроизводством человека, сетевая или матричная структура и т.д.

3) разумеется, любой из этих подходов к пониманию социального имеет право на существование сам по себе, но ни в коем случае как комбинация разных, взаимоисключающих перспектив исследования; поэтому я принимаю исходные положения праксиологического подхода, обосновывающего деятельность людей по обустройству своей совместной жизни;

4) содержательная специфика социального определяется в контексте выделения и обоснования векторных направлений ее существования: истории, природы, культуры и духовности. Каждое из них привносит в понимание сущности социального свои смыслы:

– социальное – это то, что проходит испытание историей, которая превращает человека в субъект исторического процесса;

– социальное есть культурный (культурно опосредованный) и духовно наполненный способ бытия человека в природе;

– культура выступает как «надстройка» социального, метасистема, опосредующая и регулируя деятельность людей;

— социальное становится человеческой социальности лишь тогда, когда впитывает в себя высшие смыслы человеческого бытия.

5) качественная специфика социального определяется его духовным содержанием, задающим нравственные императивы — польза и благо, хорошее и плохое, счастье и несчастье и т.д., которые порождают представления людей об обществе благополучия и обществе благотворения, хорошем и плохом обществе и пр.; ключевым для понимания российской и славянской ментальности является корневое слово «благо»;

6) социальное находится в системе пространственных координат, определяющих позицию субъекта с точки зрения его присутствия, вмещения и простираения в социальном мире;

7) во многих мирах социального человек ориентируется при помощи социокультурных различий как опознавательных механизмов, вмонтированных в систему его ориентирования в социальном пространстве и предоставляющих ему возможность переходить из одного мира в другой;

8) и, наконец, человек конструирует свои социальные (социокультурные миры, опираясь на свой жизненный опыт, систему различий и практик, производящих события как сфокусированные взаимодействия людей, которые осуществляются по значимому для них поводу).